

Судьба всегда дает шанс!
Не верите? Читайте романы Олега Роя:

Мир над пропастью
Галерея «Максим»
Муж, жена, любовница
Улыбка черного кота
Дом без выхода
Капкан супружеской свободы
Обещание нежности
Нелепая привычка жить
Амальгама счастья
Обняться, чтобы уцелеть
Украденное счастье
Барселонская галерея
Эдельвейсы для Евы
Мужчина в окне напротив
Сценарий собственных ошибок
В сетях интриг
Пасынки судьбы
Он & Она
Вдали от рая
Игра без правил
Шаль
Тайна
Искупление
Тот, кто стоит за плечом
Письма из прошлого
Три краски
Одно чудесное пари
Человек за шкафом
Повторный брак
Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево
Фантомная боль

Я тебя никому не отдам
Привет, моя радость!
Фамильные ценности, или Возврату не подлежит
Банкротство мнимых ценностей
Писатель и балерина
Семь признаков счастья
Маскарад на семь персон
Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево
Синдром Атяшево
Нелепая привычка жить
Не оставляй меня, любимый!
Я тебя никому не отдам
Код личного счастья
Тайный шифр художника
Маленькие люди

Дилогия «Белый квадрат»

Лепесток сакуры
Захват судьбы

Дилогия «Страх»

И небеса пронзит комета
Числа зверя и человека

Дилогия «Ловушка»

Ловушка для вершителя судьбы
Ловушка для влюбленных

Секреты семейного счастья от Олега Роя

МУЖЧИНА и женщина
ЖЕНЩИНА и мужчина

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

А дельфины добрые,
А дельфины мокрые
На тебя глядят умными глазами...

Юрий Энтин

У него плавники и хвост, —
но он вовсе не рыбка!
Нет,
это размером с Землю ошибка!
Он плавает где-то там, в глубине,
и он — оттуда к нам гость!
Он не рыбка, не потому что большой,
а потому что — с душой!

Айса Ли (11 лет)

■ ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Пока Леры не было дома, кто-то подменил кресло. Вроде и форма, и цвет, и даже давняя царапина на левом подлокотнике — пухлом, слегка потертом — такие же, как всегда. Вот только качаться это кресло отродясь не умело. А теперь — словно внутрь массивного толстого кресельного тела встроили специальный механизм — не то качательный, не то массажный, вроде того, что неистребимая интернет-реклама пропагандирует. Стоит откинуть голову на мягкую выпуклую спинку — и качает, качает, качает. Как будто и не кресло, а лодка в прибое. Распахнутое напротив окно становится все шире, шире, шире, и вот уже нет никакого окна — небо, залитое победительным солнечным сиянием. Если чуть приподняться, можно увидеть туманную полосу там, где небо превращается в море.

Но подняться немислимо. Точно-точно, кто-то кресло подменил. Или реконструировал...

Неизвестно, как это можно было проделать и кому такое понадобилось, но времени неизвестному злоумышленнику хватило бы. Дома Лера не была два дня.

Утром закончилось суточное дежурство. Нелегкое — впрочем, а когда у них легкие дежурства бывали? Зато нынешнее было, безусловно, радостным: тяжелых неплановых операций не привозили, а прооперированный три дня назад маленький Ванечка совершенно определенно пошел на поправку!

Улыбающаяся Лера только-только стянула с плеч халат, размышляя, не пора ли его постирать, как в дежурку подскочила Карина Леонидовна:

— Лерочка, деточка, подмени, душенька! Вот прям некого за себя оставить! — Заместительница заведующей отделением улыбалась так нежно, что становилась непохожа сама на себя, и бормотала какие-то объяснения. Впрочем, Лера не вслушивалась, какая разница, надо — значит надо. — Ты после дежурства, знаю, но что же, если больше некому? Мне быстренько-быстренько, честное слово!

Быстренько, как же! Спасибо, хоть не на весь день испарилась. А с другой стороны — даже и неплохо, что так вышло. Лере хотелось еще понаблюдать за Ванечкой — не показалось ли улучшение? Нет, не показалось, глазки ясные, порозовел, сердечко не сбоят и вообще дает вполне отчетливую положительную динамику. Молодец мальчишка, завтра-послезавтра можно будет, наверное, из ПИТа в обычную палату переводить! И вот — почти двое суток на ногах. Стоит ли удивляться, что кресло, как лодка, качается?

Ноги, ау, вы там вообще живы? А то солнце прямо в глаза бьет, хорошо бы штору прикрыть... Нет, кажется, даже на это сил не осталось. Вот так бы и проспала, кажется, до самого понедельника. Но проспать до понедельника не получится. Полежать полчасика — в лучшем случае. О том, что в холодильнике шаром покати, а комната недвусмысленно требует уборки, и вовсе думать страшно. В углу, под окном, на низком пуфе свалена груда постельного белья — слава богу, хоть чистого. Вообще-то белью полагается жить в комод, но тяжеленная плоская коробочка еще с осени стоит в углу прихожей нераспакованная. А ведь комодик-то еще собрать требуется!

Бабушка, если бы могла видеть, какой хаос воцарился в ее когда-то безукоризненно ухоженной квартире, оказалась бы очень недовольна.

Лера дернула плечом, прикрыла глаза, словно надеясь, что хаос сам по себе исчезнет. Ай, да ладно! Каждый раз ее размышления о домашнем хозяйстве заставляли вспомнить покойную бабушку, и каждый раз Лере думалось: бабушка поняла бы. В конце концов, и хаос — чистое преувеличение, обычный жилой беспорядок. И приемов Лера тут никогда не закатывала. Смешно. Какие приемы!

Она вообще появлялась дома только поспать — да и то не каждый день. Бывало, что и на кушетке в дежурке подремать пристраивалась. Не то чтобы она боялась, что в

Олег Рой

ее отсутствие случится что-то ужасное, но что делать, когда внутри что-то шепчет, оглушительно так шепчет: хорошо бы за этим (тем, и еще вон тем) пациентом понаблюдать более внимательно, и, может, операция какая неплановая возникнет, а свободных рук не окажется. Сейчас, когда интернатура была наконец закончена и Лера стала полноправным (хотя бы с официальной точки зрения) врачом — разве можно думать о чем-то кроме работы? В отделении ее уже сейчас уважают, не считают сопливой свистулькой. И пусть в операционную пока допускают лишь вторым — и уж если очень повезет, первым — ассистентом, стоять «на подхвате» (сушить рану, развести полость, ну и шить, когда «первый номер» закончит работу) — это тоже опыт. Важный, необходимый, все через это проходили. Привыкли к мертвенному свету бестеневых ламп, начинали видеть красоту в переблескивании зажимов, скальпелей, ланцетов и слышать музыку в их металлическом перезвоне. Ничего нет лучше! Может, вот прямо в понедельник привезут какой-нибудь простенький аппендицит, а все почему-то окажутся занятыми — и Лера встанет к столу самостоятельно. А там и пойдет, и пойдет... Уже сейчас никто не смотрит на нее сверху вниз, и в обращении «коллега» не слышно насмешки, вот ни капельки! И опытом «старшие» делились вполне охотно. Не только Карина Леонидовна, но даже старая Марина Матвеевна, скептически называвшая

Зов дельфина

всех интернов то «зеленью», а то и вовсе «ранними» (из молодых да ранних), Леру явно выделяла. Называла, правда, деточкой, но совсем необидно: ну-с, деточка, что вы тут видите? Гм, недурственно, ну продолжайте, продолжайте. И Лера, окрыленная, «продолжала».

Телефон пиликнул эсэмэской — судя по звуку, от мамы. Наверняка беспокоится, чем ее ненаглядная доченька питается и не надо ли помочь с домашним хозяйством. Щурясь на бьющее в окно солнце, Лера улыбнулась: ничего, мам, я справляюсь. И позвоню, только чуть-чуть попозже... вот честное-пречестное слово! И надо бы уже найти пару часов, заглянуть к вам с отцом — последний раз забежала, кажется, с Восьмым марта поздравить. Два месяца назад — ай-яй-яй! И звоню редко, особенно в последнее время... Лера вздохнула. Нет, родители поймут, конечно, и не обидятся, даже если она еще неделю не позвонит... но вообще-то свинство! Десять минут можешь отдыхать, разрешила она сама себе, а потом звони!

Родители ею гордились. Любили, заботились, это само собой, но для нее очень важно было именно это — гордились. Мама и вовсе ни на секунду не сомневалась, что ее единственная дочка станет светилом мирового уровня. Ну вот как доктор Рошаль, не меньше. Лере эти мечты казались почти забавными. Сама она ни о чем таком не думала. Все мысли крутились вокруг диагнозов, схем оперативного

вмешательства и послеоперационного наблюдения, и — если уж сосредоточиваться на себе лично — о том, не появилось ли подходящих программ повышения квалификации. Какая слава, какая известность, бог с вами! Те, кто идет в медицину за славой, — они ведь и не врачи вовсе. А она просто находится на своем месте и делает то, что должна. Не кому-то там должна — себе самой. Вот и все.

Тетка Калерия недовольно поджимала губы: ладно, мол, когда про мужчину говорят, что он женат на своей работе, но ты-то, Лёлик, девушка! Тебе наряжаться надо, с молодыми людьми гулять, а то молодость пролетит, а ты так и будешь за чужими детьми горшки выносить. Своих давно пора завести, а ты так и бегаешь бобылкой, смотреть тошно!

В обидном слове «бобылка» была, конечно, доля истины. Нет, не то чтобы Лера вовсе чуждалась парней. Вон в выпускном классе какой бурный роман случился. Короткий, правда. Черт, как же этого мальчика звали-то? Мишка, что ли? Или Лешка? Тишка, вот как его все звали! Потому что фамилия у него была Тихомиров, а вот имя... забыла! Смешно. Высокий, гибкий, красивый, как античный бог — такой типичный приморский мальчик — с вьевшимся «до костей» загаром и добела выгоревшими волосами, Тишка нравился Лере до дрожи в коленках. Да только вскоре обнаружилось, что читать — учебники, нон-фикшен по истории

медицины, да вообще все подряд — ей нравится гораздо, гораздо больше. Она еще вздыхала некоторое время, глядя, как юный «античный бог» угощает мороженым очередную пассию. Но вздыхала недолго. Точно так же и потом, в университете, все увлечения — их и романами-то не стоило называть — оказывались более чем мимолетными. Не до того оказалось — учеба поглощала все время и все силы. И работа. Работать Лера начала со второго курса — не потому что деньги нужны были, а чтоб осваивать обожаемую медицину «изнутри», — пошла нянечкой в больницу, потом, на последних курсах, фельдшером на «скорую». И для интернатуры, получив новенький диплом, выбрала ту самую больницу, где перемыла когда-то километры и километры полов. И, превратившись из интерна в настоящего врача, разумеется, осталась в этой же больнице — и ведь ее еще и уговаривали, значит, приняли всерьез, значит, заслужила, значит — она на своем месте.

Чужие дети, надо ж было такое выдумать! Какие же они чужие! Если Лера — их лечащий врач, значит, они — ее, так ведь? Им больно, плохо, им нужна помощь — и Лера способна им помочь!

К счастью, тетка Калерия появлялась в их доме совсем изредка, даже на мамы-папины дни рождения, тем паче годовщины свадьбы ее не приглашали. По глубочайшему Леринуму убеждению, тетка Калерия была просто

самовлюбленная дура. Только дура может сочинить такое дурацкое имечко — Лёлик.

Вообще-то ее окрестили Александрой — Александра, извольте радоваться, Сергеевна, ладно хоть фамилия не Пушкина, вот цирк был бы! — но сколько она себя помнила, все звали ее Лерой. Некоторые пытались применять традиционные «Саши» и «Шуры», но она ни на что такое никогда не откликнулась — тем более на придуманную какой-то дурой из параллельного класса «Аллочку». Надо же — Аллочка! Нетушки! Не Саша, не Шура, не Лесюнчик, не Аллочка — Лера и все тут. А если кому не нравится... Впрочем, людям по большей части безразлично, кого как именовать, поэтому Лера, разумеется, победила.

Она любила побеждать. Заковыристую задачу по алгебре, бесконечные латинские падежи, еще более бесконечные названия костей, мышц, нервов и прочих деталей человеческого организма — которые никак не систематизируешь, только зубрить. Хотя, если честно, зубрежки в медицине оказалось не так чтоб через край, очень многое требовало именно что понимания. Упрямство помогало и тут. Чего-чего, а упрямства в Лере было более чем достаточно. Даже, может, и с избытком. Папа называл ее «девочка Нет». Не то чтобы она вовсе не признавала ничьего авторитета. Просто главным было — докопаться до всего самой. Даже будучи зеленой еще совсем первокурсницей,

она не боялась спорить с седовласыми маститыми профессорами. Еще тогда стало ясно, что седовласость даже вкуче с ученым званием отнюдь не гарантирует неременной правоты. Однажды, будучи всего только нянечкой, она сцепилась с проверяющей из облздрави. Та, старательно демонстрируя «визит королевы в чумной барак», хотела угостить одну из маленьких пациенток конфеткой. Лера, как была, со шваброй наперевес, встала между ними, буркнув про аллергию, но надутая от высокомерия дама только фыркнула брезгливо — пустяки, мол, ничего плохого от одной конфетки не будет. Дамочку (профессоршу, доктора медицинских наук и большую начальницу) Лера вспоминала еще: ну как так можно? Тогдашний зав потом рассказал, вздыхая, что тетка требовала «выкинуть наглуую уборщицу за порог», но увольнять Леру, конечно, не стали — рабочих рук всегда не хватает. И старательная толковая нянечка для отделения куда важнее, чем надутая «профессорша», сколько бы корочек у важной особы ни было.

Лерино уважение не зависело ни от должности, ни от количества «степеней». Вон к санитарке Глаше (ее полное имя — Гликерия Серафимовна — всем казалось слишком длинным) сама Марина Матвеевна прислушивается. Потому что: «Диагностическое чутье, деточка, — это многолетний опыт, помноженный на здравый смысл. Плюс эмпатия, а этому, если боженька не одарил, очень трудно научиться.